

4. **Норт Д.** Учреждения, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предис. и науч. ред. В. З. Мильнера. – М. : Начало, 1997. – 198 с.
5. **Сэндлер Т.** Экономические концепции для общественных наук. – М. : Весь мир, 2006. – 376 с.
6. **Peters G.** Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. – L. ; N.Y., 1999. – 238 с.
7. **Knight** Institutions and Social Conflict. – Cambridge, 2008. – 360 с.
8. **Олейник А.** Институциональная экономика. – М. : Инфра, 2008. – 416 с.
9. **The theory and practice of institutional Transplantation: Experiences with the Transter of Policy institutions / ed. by M. de Jong, K. Lalenis and V. Mammadouh.** – Kluwer Academic Publishers, 2009. – 283 p.
10. **Прекедь В., Круассан А.** Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. – № 2. – С. 21–36.

REFERENCES

1. **Selivanova N. L.** Modern conceptions of educational space // Pedagogy. – 2000. – N 6. – P. 35–39.
2. **Lapin N. I.** The Ways of Russia: the Social-Cultural Transformations. – Moscow: Institute of Philosophy, 2000. – 194 p.
3. **Lapin N. I.** Sociocultural transformation of Russia: liberalization versus traditionalization // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2000. – N 3. – vol. III. – P. 32–39.
4. **North D.** Institutions, Institutional Change and Economic Performance // Transl. from English A.N. Nesterenko; preface and sci. ed. V.Z. Milner. – Moscow: Nachalo, 1997. – 198 p.
5. **Sandler T.** Economic Concepts for the Social Sciences. – Moscow: Ves Mir, 2006. – 376 p.
6. **Peters G.** Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. – L.; N. Y., 1999. – 238 p.
7. **Knight.** Institutions and Social Conflict. – Cambridge, 2008. – 360 p.
8. **Oleinik A.** Institutional Economics. – Moscow: Infra, 2008. – 416 p.
9. **The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transter of Policy Institutions / Ed. by M. de Jong, K. Lalenis and V. Mammadouh.** – Kluwer Academic Publishers, 2009. – 283 p.
10. **Prekel V., Croissant A.** Formal and informal institutions in defective democracies // Polis. – 2002. – N 2. – P. 21–36.

Принята редакцией 15.11.2013

УДК 34

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ В ПРАВОВОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Р. Ю. Рахматуллин, Э. Р. Семенова (Уфа)

Поиск выходов из кризисного состояния образования в современной России предполагает выяснение предпосылок инновационной деятельности, осуществляемой в рамках правового поля. Целью статьи является раскрытие онтологических оснований нового и традиционного в области права и образования. В статье решаются задачи: а) уточнение содержания терминов «либерализм», «традиционализм», «позитивное право», «естественное

право»; б) обоснование тезиса, что позитивное и естественное право являются формой выражения противоречия между либерализмом и традиционализмом. В исследовании применен метод единства исторического и логического и диалектический метод. Результаты исследования: а) правовой основой традиционализма в сфере образования выступают принципы космологического варианта естественного права; в) правовой основой педагогической инновационной деятельности является позитивное право.

Заключение: инновации в правовом и педагогическом пространстве являются результатом трансформации всеобщих алгоритмов бытия, вызванной интересами и потребностями субъектов права и образования.

Ключевые слова: либерализм, традиционализм, позитивное право, естественное право, космологический вариант естественного права, легизм, даосизм, конфуцианство, архетип, либеральный консерватизм, социологическая школа права.

TRADITIONALISM AND LIBERALISM IN THE LEGAL AND PEDAGOGICAL SPACE

R. Yu. Rakhmatullin, E. R. Semenova (Ufa)

The search for the ways to overcome the education crisis in modern Russia suggests the identification of the prerequisites of innovation activities carried out within the legal field. The aim of the article is to reveal the ontological foundations of the new and traditional in law and education. The article solves the following problems: a) clarification of the content of the terms «liberalism», «traditionalism», «positive law», «natural law»; b) justification of the thesis that positive and natural law is the form of expression of the contradiction between liberalism and traditionalism. The authors use the method of historical and logical unity and the dialectical method in the research. The results of the research: a) the principles of the cosmological variation of natural law are the legal basis of traditionalism in education; b) positive law is the legal basis of pedagogical innovation activities.

Conclusion: innovations in the legal and pedagogical space are the result of the transformation of general algorithms of being, caused by the interests and needs of the subjects of law and education.

Key words: liberalism, traditionalism, positive law, natural law, cosmological variation of natural law, Legalism, Taoism, Confucianism, archetype, liberal conservatism, sociological school of law.

© Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р., 2014

Рахматуллин Рафаэль Юсупович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и педагогики, Башкирский государственный аграрный университет

E-mail: rafat54@mail.ru

Семенова Эльвира Разифовна – кандидат философских наук, кафедра философии, социологии и педагогики, Башкирский государственный аграрный университет.

E-mail: elvira_zin@mail.ru

Rafael Yusupovich Rakhmatullin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of Philosophy, Sociology and Pedagogy, the Bashkir State Agrarian University.

Elvira Razifovna Semenova – Candidate of Philosophical Sciences, Chair of Philosophy, Sociology and Pedagogy, the Bashkir State Agrarian University.

Одним из противоречий, пронизывающих все сферы культуры, является борьба между сторонниками либеральных и традиционалистских взглядов. В языке это противостояние выражено в виде антонимов «новое – старое», «модернизм – консерватизм», «реформы – застой», «инновации и традиции», «традиции и модернизация» и т. п. Но какие бы антонимы не применялись, они выражают противоречие между устоявшимся, с одной стороны, и стремящимся его изменить новым – с другой. В духовной жизни России XIX в. это противоречие было представлено в виде борьбы между «западниками» и «славянофилами», ныне оно трансформировано в политическое противостояние между «белоленточниками» (Б. Немцов, А. Навальный и др.) и евразийцами (А. Дугин, Г. Джемаль, М. Шевченко и др.). В современном арабском мире это противостояние переросло в вооруженный конфликт между сторонниками светских или «полусветских» форм общественного устройства (Б. Асад, М. Каддафи и др.) и салафитами.

Современное российское педагогическое сообщество, разочарованное результатами либеральных реформ в сфере образования, оказалось на перепутье между либерализмом и традиционализмом. Известный экономист и публицист М. Делягин называет либерализм идеологией уничтожения России [1; 2], политолог В. Э. Багдасарян считает его изобретением Запада, направленным на колонизацию стран «второго» и «третьего» мира [3; 4]. Журналист М. Шевченко призывает россиян вернуться к фундаментальным ценностям православия и ислама ради сохранения Родины. Многие учителя и преподаватели, работавшие в советское время, говорят о губительных последствиях перманентных нововведений в сфере образования. К сожалению, в России либерализм и традиционализм в их нынешних ипостасях оказались несовместимыми.

Поскольку ключевые для нашей работы понятия «традиционализм» и «либерализм» имеют разные толкования, то для адекватного понимания смысла статьи поясним, в каком значении они здесь используются. Традиционализм рассматривается нами как приверженность традиции, такому способу социальной преемственности, при котором политические, правовые и иные решения принимаются, исходя из незыблемости основополагающих принципов и ценностей существования социальной системы. Последовательная редукция в поиске оснований такой традиции приводит в конечном счете к идее существования метафизической, сакральной матрицы, находящейся за пределами как социального, так и рационального. Примером такого понимания этого феномена выступает интегральный традиционализм Р. Генона и М. Элиаде.

Понятие «либерализм», выражающее стремление к свободе, выходу за рамки общепринятого, традиционного, консервативного ради реализации естественных прав человека, выступает в этом контексте как антитеза традиционализму.

Традиционализм, экстраполированный в правовое пространство, обнаруживается еще в Древнем Китае – в идеологии даосизма и конфуцианства. Известно, что эти учения рекомендуют человеку следовать Дао, «законам Неба», не противодействовать «ходу вещей» для достижения гармонии. Наиболее характерным выражением этой позиции является даосский принцип «активного недеяния». Ранее мы писали, что «в древнекитайской философии есть термин "лиз", который переводится как ритуал,

норма, устав, регламент. Иероглиф для обозначения этого термина этимологически восходит к действию с сосудом. А иероглиф сосуда в китайской культуре несет онтологический смысл субстанции. Таким образом, "лиз" символизирует действия с субстанцией, первоосновой. Но ведь субстанция существовала до человека, она имеет объективную природу. Тогда "лиз" – следует рассматривать как структурирующее начало Вселенной, организуемое Хаос в Космос силу. Это нормы, по которым устроен Космос» [5, с. 51]. Конфуций призывал преодолеть в себе гордыню и обратиться к благопристойности, т. е. к неким объективно существующим нормам, понимаемым в этом контексте в качестве надличностных норм. В китайской культуре эти нормы, как правило, именуют «законами Неба». Человеческое общество («Поднебесная») должно быть устроено именно по этим вселенским алгоритмам. Тогда в обществе будет порядок, мир и процветание. Насколько люди своевольно изменяют эти законы, в такой же степени они страдают от несправедливости и самоуправства.

Здесь напрашивается сравнение с исламом. Известно, что ислам в переводе с арабского означает покорность, подчинение. Возникают вопросы: покорность – перед кем, подчинение – кому? Оказывается, тем же «законам Неба», выраженным в виде шариата, как нормативной части Корана. Поэтому мусульманское право «относится к космологическому варианту естественного права, согласно которому правовые нормы являются отражением единого мирового порядка. Вместе с представлением о едином Боге – Аллахе – утвердилась идея единого правового порядка» [6, с. 43].

Таким образом, естественное право (в его космологическом варианте) основывается на утверждении о существовании до человека и независимо от него неких упорядочивающих алгоритмов бытия. По этим алгоритмам устроена и функционирует вся Вселенная, по ним же должна быть организована и жизнь людей. Поскольку эти нормы изначально содержатся в природе, то и не зависящее от интересов и желаний людей право было названо природным, естественным. Голландский юрист Г. Гроций полагал, что идея естественного права полезна, даже если Бог, как автор надчеловеческих норм, не существует [7].

Таким образом, в космологическом варианте естественного права основным источником правовых норм выступает не человек, а объективно существующие алгоритмы бытия, по которым функционирует вся Вселенная. Собственно, в таком – натуралистическом – онтологическом виде естественное право выступает в качестве главной юридической доктрины Средневековья.

Идеи либерализма, проецированные на правовое пространство, проявляются в виде возможности выбора равноправными гражданами тех норм, которые они считают справедливыми. В нем акцент, в отличие от космологического варианта естественного права, делается на человека, его интересы и потребности. Это право, установленное законодателем (в идеальном варианте – избранным демократическим путем) и выступающее в качестве совокупности действующих правовых актов, защищающих интересы большинства.

Отказ от космологического варианта в поиске оснований права и перенос их на «земную» почву обнаруживается также в Древнем Китае, где

появилось учение, известное в теории права, как легизм. Легизм формируется в IV–III вв. до н.э. как идейный фундамент тоталитарно-деспотического управления обществом, ставший в империи Цинь официальной идеологией [8]. Заметим, что идея такого подхода к праву появилась еще в VI в. до н. э., когда советник правителя царства Чжен по имени Цзы-Чань произнес формулу: «Путь человека близок, а Дао («путь Неба») далек и до человека не доходит». Именно в это время в Китае впервые была нарушена традиция «суда по совести», и в 536 г. до н. э. кодифицированы отлитые в металле уголовные законы, известные как «Уложение о наказаниях».

Как и конфуцианство, легизм в Китае приобретает практическое значение и превращается в науку управления, напоминающую современный государственный менеджмент. Возникает категория «шу», означающая методiku управления, связующую юридический закон с властью. Шан Ян, правитель области Шан царства Цинь, задолго до Н. Макиавелли формулирует прагматический принцип в политике и праве. Он рекомендует не просвещать народ, чтобы легче было им управлять. Отвергает абсолютность и святость любой правовой нормы, считая, что ее можно и нужно менять, если это отвечает интересам государства. Конечно, методы правления в империи Цинь далеки от либерализма, и субъектом нормотворчества здесь выступает не избранный большинством законодательный орган, а император и его приближенные. Но знаменательным здесь является акт переноса норм организации жизни людей из «неба» на землю. В рамках этой парадигмы автор закона оказывается среди людей, в обществе. И он свободен как в выборе закона, так и его отмене.

Гораздо позже земной характер права доказывается британским юристом Дж. Остиным – крупнейшим представителем позитивного толкования природы права. Он пишет, что закон есть правило, установленное для руководства мыслящего существа другим мыслящим существом, обладающим властью над первым. Остин не отвергал существования «небесных», божьих законов, но считал их лишены пользы, в отличие от человеческих законов, отражающих волю суверена – лица, над которым нет правителя [9, р. 89–98].

В XX в. среди приверженцев позитивного права приобретает известность книга Г. Кельзена «Чистая теория права», в которой автор последовательно проводит позитивистскую методологию, запрещающую в рамках научного исследования ставить и решать какие-либо мировоззренческие вопросы. Он считает, что делом юриспруденции является сфера должного, а не сущего [10]. Современное российское педагогическое общество, думается, в полной мере ощущает на себе действие этой парадигмы.

В европейской культуре две концепции права – «*jus naturale*» и «*jus positivum*» – находятся в постоянном противостоянии, последовательно меняя свой статус в правовом пространстве. Если в Средние века считали естественное право источником юридических норм, некоей генетической матрицей, с которой они должны были согласовываться, то в XIX–XX вв. позитивное право, основанное на принципе равенства всех перед законом и поддерживаемое духом неограниченной свободы человека, стало брать реванш. Открытость позитивного права, его либеральность, стремление максимально соответствовать ожиданиям граждан достигли предела в социологической школе права (Р. Паунд, Е. Эрлих и др.), которая, по сути,

призвала к перманентной революции в праве, осуществляемой судами: им дается право самим создавать законы, отвечающие местным условиям. Оно объявило позитивное право приверженным «юридической букве», поэтому не способным эффективно регулировать жизнь людей в конкретных условиях [11, с. 623–628].

Еще одной проблемой, возникающей на пути развития позитивного права, является установление пределов его либерализации. На самом деле, способен ли законодатель, ориентированный на мнение большинства граждан, установить некий предел все расширяющимся потребностям этих граждан, толкуемым ими как их естественные права и свободы? Можно ли, к примеру, разрешая гомосексуализм, лесбиянство, однополые браки, употребление марихуаны, разрешить и педофилию, и скотоложество, и некрофилию, и употребление ЛСД, если большинство этого требует? Такие вопросы и вызывают, на наш взгляд, негативное восприятие либерализма как идеологии отечественными традиционалистами, не без основания опасющимися разрушения устоев русской культуры ускоряющейся вестернизацией, охватившей сферы не только экономики, политики, права, но и образования. Как пишет А. Н. Швечиков, «либерализм стать национальной идеологией России не может, ибо он по сути враждебен ее православному духу, смысловым основам ее бытия» [12, с. 26].

В обозначенном выше аспекте законодатель постоянно находится перед дилеммой: с одной стороны, изменяющаяся жизнь людей требует изменений и норм этой жизни. С другой стороны, эти нормы должны иметь какие-то устойчивые основания, независимые от сиюминутных желаний и потребностей граждан и властных структур. Но как совмещать противоположности? Предположительный ответ на этот вопрос можно найти при помощи далекого от философии права и образования учения – психологии К. Г. Юнга.

Известно, что Юнг верил в существование неких объективных, надматериальных и надпсихических феноменов («коллективного бессознательного»), проявляющихся в человеческой психике в виде архетипов, определяющих, в конечном счете, нашу жизнь [13]. Но если эти архетипы одни и те же, почему люди ведут себя по-разному? Спроецируем этот вопрос на проблемное поле нашей статьи и тогда получим следующую его формулировку: «Если существуют надчеловеческие нормы, по которым функционирует вся Вселенная, то почему возможны законы, не вписывающиеся в эти нормы?».

Мы полагаем возможным следующее решение. Архетип реализует себя через человеческое сознание. Поскольку люди отличаются по состоянию здоровья, демографическим, нравственным качествам, интеллекту, профессионализму и т. д., то архетип проявляет себя в каждом индивиду по-разному. Для пояснения приведем такой пример: одна и та же методика обучения, примененная разными преподавателями, и полученные при этом результаты экзамена в учебных группах будут отличаться настолько, насколько отличаются по профессионализму преподаватели, обучающие студентов, и студенты, из которых состоят эти группы. Очевидно, что методы и формы обучения, с успехом применяемые в Гейдельбергском университете, и рекламируемые Министерством образования и науки РФ, могут оказаться неэффективными в каком-нибудь «урюпинском» вузе (с этой

проблемой и сталкиваются российские педагоги). Полагаем, что таков же механизм реализации норм, о которых говорит естественное право. Вполне допустимо существование всеобщих структурирующих начал («порождающих структур»), которые являются всеобщими алгоритмами бытия. Правовой характер они приобретают при их проецировании на сферу государственной власти. Если же они, например, проецируются на биологический мир, то мы наблюдаем законы размножения и функционирования живых систем. С этой точки зрения, и структура ДНК, и музыкальное произведение, и форма организации учебного процесса представляют собой лишь разные формы реализации архетипа, иногда – одного и того же. И результат его действия зависит не только от природы этого феномена, но и условий его применения.

В политико-правовой области это решение может быть выражено как компромисс между традиционным и новым. А. Г. Дугин назвал такую идеологию либеральным консерватизмом: «Для либеральных консерваторов “сегодня” – это разумный компромисс между “вчера” и “завтра”» [14, с. 13]. Думается, такая парадигма была бы полезна и для нынешних российских реформаторов образования и науки.

Современная правовая мысль движется именно в этом направлении. В конституциях Италии, Испании США, Франции воплощена естественно-правовая концепция прав человека, когда власть государства ограничивается фиксированными в них правами личности. «Эти неотчуждаемые права должны, однако, найти оформление в виде ряда действующих норм позитивного права» [15, с. 163]. Получается, что можно рассматривать позитивное право как форму реализации естественного права. В этом случае развитие права видится в приведении в соответствие действующего законодательства (позитивного права) с естественным правом. Однако избежать противоречия между ними никогда не удастся в силу того, что субъектом права всегда является определенное лицо или группа со своими интересами и потребностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Десягин М. Г.** Либерализм – теория уничтожения России // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2012. – № 2. – С. 14–18.
2. **Десягин М. Г.** Что должен сказать России ее президент // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 7. – С. 5–23.
3. **Багдасарян В. Э.** Либерализм как идеология неокOLONИализма // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3, № 5. – С. 84–85.
4. **Багдасарян В. Э.** Либеральный манифест, или «оранжевая» рецептура для России // Власть. – 2011. – № 11. – С. 35–38.
5. **Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р.** Онтологические основания идеи федерализма в свете философии права // Вестник ВЭГУ. – 2010. – № 4. – С. 50–55.
6. **Рахматуллин Р. Ю.** Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 4. – С. 43–47.
7. **Chroust A. H.** Hugo Grotius and the Scholastic Natural Law Tradition // The New Scholasticism. – Baltimore, 1943. – Vol. 17. – P. 101–133.
8. **Переломов Л. С.** Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука, 1981. – 331 с.
9. **Austin J.** Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. L. 1885. – Vol. 1. – 1132 p.

10. **Кельзен Г.** Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 432–453.
11. **Эрлих Е.** Основы социологии права // Антология мировой правовой мысли. – М. : Мысль, 1999. – Т. 3. – 829 с.
12. **Швечиков А. Н.** Либерализм как идеология секуляризации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 89. – С. 19–26.
13. **Юнг К. Г.** Аналитическая психология. – М. : Мартис, 1995. – 309 с.
14. **Дугин А. Г.** Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. – 2009. – № 4. – С. 7–15.
15. **Семенова Э. Р.** Идеи традиционализма и либерализма в философии права // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 3 (70). – С. 161–163.

REFERENCES

1. **Delyagin M. G.** Liberalism as a theory of destruction of Russia // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2012. – N 2. – P. 14–18.
2. **Delyagin M. G.** What should the Russian president tell Russia // Rossiya i musul'manskij mir. – 2010. – N 7. – P. 5–23.
3. **Bagdasaryan V. E.** Liberalism as an ideology of neo-colonialism // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. – 2010. – Vol. 3, N 5. – P. 84–85.
4. **Bagdasaryan V. E.** Liberal manifesto, or the «orange» recipe for Russia // Vlast'. – 2011. – N 11. – P. 35–38.
5. **Rakhmatullin R. Yu., Semenova E. R.** Ontological foundations of the idea of federalism in the light of the philosophy of law // Vestnik VEGU. – 2010. – N 4. – P. 50–55.
6. **Rakhmatullin R. Yu.** Genetic sources of Islamic law // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2011. – N 4. – P. 43–47.
7. **Chroust A. H.** Hugo Grotius and the Scholastic Natural Law Tradition // The New Scholasticism. – Baltimore, 1943. – Vol. 17. – P. 101–133.
8. **Perelomov L. S.** Confucianism and Legalism in the political history of China. – Moscow: Nauka, 1981. – 331 p.
9. **Austin J.** Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. L. – 1885. – Vol. 1. – 1132 p.
10. **Kelzen G.** Pure theory of law and analytical jurisprudence // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. – 2009. – N 2. – P. 432–453.
11. **Erlih E.** Principles of Sociology of Law // Antologiya mirovoj pravovoj mysli. – Moscow: Mysl', 1999. – Vol. 3. – 829 p.
12. **Shvchikov A. N.** Liberalism as an ideology of secularism // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2009. – N 89. – P. 19–26.
13. **Jung K. G.** Analytical Psychology. – Moscow: Martis, 1995. – 309 p.
14. **Dugin A. G.** Conservatism as a phenomenon: is its general theory possible? // Filosofiya prava. – 2009. – N 4. – P. 7–15.
15. **Semenova E. R.** The ideas of traditionalism and liberalism in the philosophy of law // Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2013. – N 3 (70). – P. 161–163.

Принята редакцией 15.11.2013